

ТРИБУНА

МОЛОДОГО ЖУРНАЛИСТА

МУЗЫКАЛЬНАЯ ГАЗЕТА СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

ВЫХОДИТ С 1998 ГОДА

№1 /188/ ЯНВАРЬ 2020 ГОДА

tribuna.mosconsrv.ru

С.2

Т. Бейсенбай: «Мы учим любить музыку!...»

С.2

Российская Кармен

С.3

Высокая месса стала еще выше

С.4

Одна реальность двух художников

ЛИЧНОСТЬ

ПЛОХОЙ ПАРЕНЬ ЗАЛЕТЕЛ В МОСКВУ

15 декабря Московскую филармонию посетил Брин Тёрфель – главный «злодей» оперной сцены, известный интерпретациями отрицательных персонажей. Его сценический опыт лег в основу диска «Bad boys», выпущенного компанией Deutsche Grammophon в 2010 году. Однако в московской программе в тот вечер были не только подлецы и разбойники Тёрфеля, но и невинные оперные увертюры в исполнении оркестра Московской филармонии под управлением Валентина Урюпина.

На сцене Тёрфелю все время приходится шпионить, подслушивать и наушничать. Среди «плохих парней», воплощенных певцом, – интриган Яго, бандит Мэкки-Нож, наркоторговец Спортинг Лайф, неугодный царь Борис и всевозможные Мефистофели. В «черный список» попал даже довольно безобидный пройдоха Фигаро.

Но за кулисами певец меньше всего похож на хулигана: Тёрфель – семьянин и отец четверых детей, сын фермера и житель небольшой деревни близ Уэльса. Создатель эталонного образа Вотана, Тёрфель никогда не принимал участие в Байройтском фестивале: летние месяцы исполнитель предпочитает проводить с близкими. Свое московское выступление певец окончил добродушной детской колыбельной: «Я пел ее своим детям, но они никогда не спали», – пошутил он.

Происходившее на сцене трудно назвать концертным исполнением: на один вечер Московская филармония превратилась в Метрополитен-оперу или Ковент-гарден. Некоторые слушатели даже воспользовались биноклями – как в настоящем театре. После объявления фамилии Тёрфеля на сцену крадучись вышел сам сатана, совершенно не реагируя на аплодисменты публики. Мефистофель обличал человечество в жадности, вытащив из кармана пачку купюр. Но когда свои карманы чистосердечно вывернул Тевье-молочник, они магическим образом оказались пустыми. Спортинг Лайф выкурил не одну сигарету, притаптывая окурки ногой: «Все говорят, что сатана – злодей, но совсем не обязательно, что это правда!»

И все же негодяи Тёрфеля напоминали скорее бандитов из американского вестерна, чем тонко очерченных отрицательных персонажей. Злодеи получились несколько одноплановыми: между Мефистофелем Бойто и Мефистофелем Гуно не было никакой разницы. Однако это и не требовалось, ведь отсутствие декораций создает иные условия. Три оперных часа представляют гораздо больше возможностей для показа психологических процессов, чем три концертных минуты.

Ярким театральным дарованием обладал и Валентин Урюпин. Молодой и энергичный дирижер добился от оркестра почти шекспировских контрастов. Были

исполнены увертюра к опере Верди «Стиффелио», увертюра к мюзиклу Роджерса «Юг Тихого океана», интродукция из оперы Мусоргского «Сорочинская ярмарка», увертюра к опере Моцарта «Так поступают все» и, конечно, увертюра к оперетте Оффенбаха «Орфей в аду». В целом выбор не самый очевидный, так как отрывки из неоконченных опер Мусоргского звучат не столь часто, а вышеупомянутая опера Верди малоизвестна даже по названию. Темпы, быть может, были чуть более быстрыми, чем это принято, зато исполнение отличалось настоящим драйвом.

На бис певец исполнил любимые валлийские песни, с которых началась когда-то его карьера. Перед нами был уже не «плохиш», а настоящий Брин Тёрфель – или Тёрвель, как он сам по-валлийски произносит свою фамилию. «Когда часто находишься вдали от дома, начинаешь скучать по самым обычным вещам: горам, холмам, лесам...» – сказал он. На родное валлийское ответом из зала было горячее русское «спасибо!».

Концерт приезжего певца проходил в приподнято-торжественном духе, несмотря на присутствие темных сил на сцене. Единственный недостаток злодеев Тёрфеля состоял в том, что они были чересчур очаровательны. И, как говорится, никто не пострадал.

Алиса Насибулина,
IV курс ИТФ

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Т. Бейсенбай: «Мы учим любить музыку!..»

Темирлан Бейсенбай – пианист, композитор, лауреат многих международных конкурсов. В данный момент он учится в престижном учебном заведении – в знаменитом Моцартеуме г. Зальцбурга. Несмотря на молодой возраст и учебную занятость, Темирлан уже успел проявить себя не только как музыкант: исполнительскую деятельность он совмещает с кинорежиссурой и бизнесом. Столь неординарная судьба вызывает естественный интерес у его сверстников. Студент Московской консерватории Бексултан Садуев, также из Казахстана, задумал взять интервью у своего успешного молодого современника:

– Темирлан, как Вам удалось достичь столь многого к 23 годам?

– Сразу хочу сказать, что успешным себя не считаю. Впереди долгий путь и те достижения, которых я когда-то

добился, остались в прошлом. Нужно стараться как можно скорее забывать о победах и концентрироваться на чем-то новом. Иначе можно увязнуть в своих прошлых успехах. Что касается моей профессии, то я, в первую очередь, пианист, музыкант. Все остальное – это мои увлечения, так как все, чему ты не учишься, – лишь хобби. В сфере кинематографа я вообще необразованный мальчишка. Мне просто нравится снимать видео. А в бизнес я попал совершенно случайно – и закрутилось.

– Расскажите, как Вы вообще решили, что будете заниматься музыкой?

– Когда мне было 5 лет, мои родители купили фортепиано за шесть тысяч тенге (меньше тысячи рублей. – Б.С.). Я начал проявлять интерес, и родители это заметили. Далее я проходил обучение на дому у женщины в нашем селе. Она и порекомендовала поступить в Казахский национальный университет искусств (раньше он назывался Казахская национальная академия музыки. – Б.С.). С первого по девятый класс я обучался у преподавателя Алексея Георгиевича Чередниченко. Признаться, в возрасте 13–16 лет часто задумывался о смене профессии – заниматься не хотел, родителям приходилось меня заставлять. Но позже начал сам проявлять интерес. Последовали разные конкурсы, в которых мне удавалось занимать призовые места.

– Почему Вы решили поступать именно в Моцартеум, а не, допустим, в Московскую консерваторию вместе с Вашими друзьями?

– Музыканты, как правило, ищут не учебные заведения, а наставника. И я поехал учиться не столько в Моцартеум, сколько к своему профессору. Если бы он работал в Москве или Петербурге, то я бы учился там.

– В данный момент Вы на 4-м курсе «Моцартеума», то есть приобрели уже большой багаж знаний и опыта. Могли бы Вы сравнить систему обучения в этом учебном заведении с предыдущим местом учебы в Нур-Султане (Казахский национальный университет искусств). Есть ли какие-либо интересные особенности?

– Сказать, что все здесь кардинально иное, я не могу. Наверное, главное отличие – это сами студенты. Здесь учатся трудолюбивые, заинтересованные в своем деле люди. Обучаясь рядом с ними, хочешь – не хочешь тоже будешь расти. И я очень рад такой возможности.

Из особенностей могу отметить следующее: в Моцартеуме мы не сдаем экзамены по специальности, а просто каждый месяц играем на концертах класса. Есть разделение кабинетов между преподавателями и студентами (то есть преподаватели не занимаются в классах, предназначенных для студентов).

Бронирование аудиторий студентами осуществляется через онлайн-приложение.

– Это очень интересно и удобно! То есть студент может забронировать себе класс, не выходя из своей комнаты?

– Да, верно.

– А какое количество часов студент может заниматься классом с инструментом?

– Есть лимит – 35 часов в неделю. А уже от студента зависит, как он распределит свои бронирования.

– Как Вы знаете, в этом году проходил Конкурс имени Чайковского. Следили ли Вы за ним и можете ли выделить кого-то из конкурсантов?

– Да, мне очень понравилось выступление Мао Фудзита, особенно Бах и Моцарт в его исполнении в первом туре. Также я бы хотел выделить Дмитрия Шишкина. Давно слежу за этим музыкантом.

– Не могу не спросить о Вашей деятельности в сфере музыкального предпринимательства. Вы открыли первую в Казахстане частную фортепианную школу. Что Вами двигало: заинтересованность или все же желание заработать?

– Изначально была идея создать лучшие условия обучения для детей и искоренить советский стереотип жесткого подхода к обучению в музыкальных школах. Мы хотели доказать, что музыка – это не всегда через слезы. Мы не учим играть на фортепиано – мы учим любить музыку!

– Вы пианист, бизнесмен, как Вам удается находить время еще и на съемки? Судя по Вашим работам, в этом Вы тоже хорошо преуспеваете?

– Съемки меня интересовали с самого детства, как только у меня появился телефон Nokia Express music. Я снимал небольшие видео с функцией «пауза». Можно было создавать эффект своего рода телепорта. Снимаешь человека, затем ставишь съемку на паузу, просишь его выйти из кадра и продолжаешь снимать: вуаля – и человек пропал, как будто телепортировался! Потом я, конечно, сменил много техники. Начал разбираться в объективах, в свете, в звуке, в композиции, в монтаже и во многом другом. У меня всегда была мечта создать небольшой ролик полностью своими силами – то есть, снять, смонтировать, сочинить и записать свою музыку. И недавно она сбылась! В будущем хочу снимать большое кино. Посмотрим, что получится.

Беседовал Бексултан Садуев, IV курс, ИТФ

РОССИЙСКАЯ КАРМЕН

Недавно мне посчастливилось познакомиться с восходящей звездой – оперной дивой, чье имя в ближайшие годы наверняка будет на слуху у всего мира. Речь идет о победительнице недавно завершившегося XVI Международного конкурса имени П.И. Чайковского в номинации «Сольное пение» Марии Бараковой. Обладательница очень мягкого и глубокого меццо-сопрано на данный момент является артисткой Молодежной программы Большого театра под руководством Д.Ю. Вдовина, а также студенткой РАМ имени Гнесиных класса профессора В.А. Мальченко. В интервью с ней мне захотелось раскрыть другую, более неформальную сторону певицы.

– Мария, характер играет большую роль в становлении любого человека. А ты, можно сказать, идешь семимильными шагами, покоря вершину за вершиной. Как бы ты могла описать, что помогает тебе в этом процессе?

– В моем понимании у певца должен быть характер. Чтобы выдержать огромную конкуренцию на престижном конкурсе и на оперном рынке в целом. Чтобы не сломаться в тяжелый период, когда ты заболел, например, а голова забита репетициями, которых всегда, как мы знаем, недостаточно.

– А какова роль педагогов в твоей творческой жизни?

– Педагог – важная часть жизни певца, фактически второй родитель, только вокальный. Мне очень повезло, ведь всю жизнь, начиная с детства, меня окружали самые лучшие педагоги, которые давали и дают мне все и даже больше. Певцы учатся большей частью жизни, поэтому занятия с педагогом важны. Они обретают особый смысл, когда ты находишь «того самого» учителя. Я училась в Новосибирском музыкальном колледже у Светланы Ивановны Балашовой, она развивала мой голос. Затем я поступила в Молодежную оперную программу Большого театра к Дмитрию Юрьевичу Вдовину и параллельно – в Российскую академию музыки имени Гнесиных к Владимиру Афанасьевичу Мальченко. Каждый из них по-своему вносит правки в мою вокальную технику, чему я очень рада.

– Могла бы ты назвать своих «учителей из прошлого» – кто для тебя ориентир среди мировых звезд?

Ирина Константиновна Архипова, Елена Васильевна Образцова и Мэрилин Хорн. Три такие разные и любимые мною меццо. Архипова и Образцова – одни из лучших исполнителей русской оперы, их манера, трактовка не оставили меня равнодушными в свое время. Особенно меня впечатлила ария Иоанны из «Орлеанской девы» в исполнении Ирины Константиновны и ария Ульрики из «Дона Карлоса» в исполнении Елены Васильевны. С Хорн же другая история: я впервые услышала ее, когда пришла в Молодежную программу Большого. Я никогда до этого не пела колоратурный репертуар, а Дмитрий Юрьевич решил, что нужно попробовать и, дав ноты, показал запись Мэрилин. Я была поражена силой и при этом легкостью и гибкостью ее голоса.

– Как бы ты могла себя описать? Кратко: какая ты?

– Кратко – целеустремленная. Именно это помогает мне бороться за место под солнцем. Также – жизнелюбивая. Не жизнерадостная, а именно жизнелюбивая. Я люблю жизнь и ценю каждый прожитый мною день. Стараюсь наполнять его полезными вещами. А с другой стороны – очень чувствительная и ранимая. Я очень восприимчива к словам и к жизни.

– Интересно, как твой темперамент уживается с такой тонкой чувствительностью. Это из детства? Вообще, как родители прививали любовь к музыке?

– Моя семья связана с музыкой лишь на любительском уровне. Мама и бабушка хорошо пели, отец же мечтал о музыкальном образовании, но, не получив его, воплотил свои мечты во мне. Сам он играл на гармонии по слуху. Думаю, абсолютный слух достался мне от него. Не знаю, откуда во мне была уверенность, но я точно знала с детства, что буду певицей. Хотя представляла себя и архитектором, и в других ипостасях.

– Наверное, сцена помогает тебе проживать другие профессии, жизни и характеры?

– Конечно. Если бы я имела возможность жить вечно, то мне бы хотелось исследовать жизнь через профессии. Попробовать все. Много пережить. А опера – это моя мечта в миниатюре.

– А на данный момент, кто из оперных героинь – воплощение тебя?

– Определенно, это Кармен. Я бы очень хотела «прожить» эту героиню, по-своему, конечно. Более чувственно, трогательно, что ли.

– Как ты оцениваешь репертуар для меццо? Достаточно ли он развит?

– Если говорить о классически устоявшемся репертуаре, то достаточно. Вполне. И он порой сложен для воплощения, так что развиваться есть куда. А вот современного воплощения, музыки композиторов нашего дня маловато.

– Какой композитор на данный момент кажется тебе самым близким?

– Наверное, Чайковский. Композитор внутренних страстей. Мне очень нравится находить для себя что-то новое в его музыке, разбирать на составляющие характеры персонажей его опер.

– Спасибо за этот разговор. Есть ли у тебя жизненный девиз, которым можно было бы завершить нашу беседу?

– Жить на полную – вот мой главный девиз!

Беседовала Александра Собецкая, IV курс, ИТФ

КОНЦЕРТНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

ВЫСОКАЯ МЕССА СТАЛА ЕЩЕ ВЫШЕ

26 ноября 2019 в Концертном зале «Зарядье» прозвучала Высокая месса И.С.Баха. Исполнение крупных духовных произведений композитора – явление в нашей стране нечастое. И вот, словно желая восполнить в москвичах очевидный дефицит баховской живительной влаги (не следует забывать о хрестоматийной строчке из учебников музыкальной литературы, твердящей каждый раз, что «bach» в переводе с немецкого означает «ручей»), в столицу из Бельгии приехал весьма интересный и во многом необычный музыкальный коллектив.

В центр своего репертуара Vox Luminis ставит именно барочную музыку, и прежде всего – Баха. Руководитель и дирижер Лионель Мённе, несмотря на свой молодой возраст, уже добился выдающихся успехов на музыкальном Олимпе. За его плечами достойное образование: Высший музыкальный институт в Намюре, Королевская консерватория в Гааге. С самого начала концертной деятельности Мённе был очень востребован, сотрудничая со множеством европейских ансамблей как педагог, дирижер, художественный руководитель, солист и исполнитель партий на духовых инструментах.

Ансамбль, созданный Мённе в 2004 году, уже снискал заслуженный авторитет и стал заметным явлением в Европе. В 2017 году коллектив произвел фурор, блестяще исполнив Высокую Мессу на Утрехтском фестивале старинной музыки. Лионель Мённе использует в своей деятельности множество новаций. Необычность коллектива проявляется во всем.

Исполняя Высокую мессу, группы музыкантов располагались на разных высотных уровнях, причем ударники и трубачи – на самом высоком пьедестале, словно спортивные чемпионы. Дирижер на привычном месте также отсутствовал. Сначала Мённе приобщился к группе мужских голосов, не только успевая исполнять вокальную партию, но и дирижуя с этого скромного места. Весьма вероятно, что тем самым художественный руководитель послал слушателям, как принято теперь говорить, определенный месседж: «Мы в коллективе все равны, и я не руководитель, а лишь один из...»

По части скромности и демократизма солисты не отставали от дирижера. В целом все выступление происходило без солистов как таковых: у Баха они вступают как корифеи – инкогнито, всякий раз выдвигаясь из хора и возвращаясь в общую массу после сольной партии. И художественный руководитель не смеет нарушать этот установленный порядок. Всем этим демонстрируется и безупречная сыгранность, спетость, и профессиональная близость коллектива.

Восторг от исполнения представляется заслуженным, поскольку партитура, лежащая на коленях вроде шпартгалки, лишь подтверждала выдающуюся точность интерпретации. Каждая нота и каждая синкопа, каждый добросовестно исполненный повтор – все филигранно следовало за текстом. Внимание слушателей находилось в постоянном напряжении и даже в каком-то оцепенении – таком, что весь концерт ощущался на одном дыхании. И гром аплодисментов, перешедший в десятиминутную овацию, был совершенно заслуженным.

Слушатели долго не расходились, вероятно, надеясь на продолжение праздника и хоть какой-то бис. Его, впрочем, не последовало, к великому огорчению публики. Другая, настоящая «ложка дегтя» – неоправданно большое количество свободных мест в зрительном зале. Очевидно, что столь редкое даже среди некоторых известных коллективов безупречно качественное исполнение удалось услышать именно тем людям, которым это было действительно нужно.

**Екатерина Пархоменко,
II курс, муз. журналистика**

НОВАЯ МУЗЫКА

МОЛОДЫЕ КОМПОЗИТОРЫ

Поддержка молодых композиторов – одна из важных традиций Московской консерватории. В ее стенах регулярно проходят конкурсы и фестивали, которые не только позволяют слушателям знакомиться с новой музыкой, но и дают авторам бесценную возможность услышать свои сочинения в «живом» исполнении.

Один из таких концертов состоялся 17 ноября в Рахманиновском зале. На нем прозвучали произведения лауреатов и участников Международного композиторского конкурса «Новые классики», организованного Московской консерваторией и Фондом «Новые классики» при поддержке Федерального агентства по делам молодежи в рамках Молодежного форума «Партитура будущего». Все произведения исполнил ансамбль «Студия новой музыки» под управлением профессора И.А. Дронова.

Особенность конкурса «Новые классики» в том, что организаторов интересует не только современная академическая музыка, написанная с использованием сложных композиторских техник, но и сочинения, в которых авторы обращаются к более традиционным выразительным средствам. Эта концепция отразилась и в программе концерта: его первое отделение было посвящено современной академической музыке, второе – популярной.

В первом отделении концерта прозвучали произведения Алины Подзорной – квинтет Dell'Arte, ранее получивший Гран-при на VII Конкурсе молодых композиторов радио «Орфей», Максима Бабинцева – «Планеты жизни», Стилианоса Диму (Греция) – *Delusive Proximity* и Яира Клартага (Израиль) – «Пустоты везде хватает». Авторы показали мастерство владения сложными композиторскими техниками и блестящее знание инструментальных тембров. Например, Яир Клартаг, один из успешных современных композиторов, благодаря необычным приемам звукоизвлечения сумел создать в своей пьесе оригинальное звучание, напоминающее звук электронных инструментов.

Обратило на себя внимание то, что все представленные произведения имели программный замысел. К примеру, в основе драматургии пьесы М. Бабинцева лежит специальная сочиненная формула, которая делится на фрагменты, символизи-

зирующие, по словам автора, «индивидуальные планеты жизни человека, которые заложены в нем с рождения».

Второе отделение посвятили современной популярной музыке. Среди авторов были и россияне, и гости нашей страны: Чжунхай Шин (Китай) с произведением «Испаряющиеся воспоминания», Александр Тимофеев (Молдова/США) с «Феей ветра».

Наиболее запомнилось произведение «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» Елены Шиповой, выпускницы Казанской консерватории. В этой небольшой пьесе автору удалось раскрыть тонкий философский замысел книги Р. Баха, изобразив оркестровыми красками и постоянно изменяющееся море, и вольный полет чайки – символа безграничной свободы. Это сочинение – бесспорно, достойное продолжение традиций «музыкальной маринистики», к которой неоднократно обращались Римский-Корсаков, Дебюсси и многие другие музыканты.

Интересным претворением направления «музыка машин», характерного для 20-х годов XX века, оказалась «Машина Тьюринга» композитора из Красноярска Владимира Кошелева. Большое внимание публики привлекло «Танго» шестнадцатилетнего Романа Соснина – одного из самых молодых участников конкурса. При сохранении метрической основы танца композитор, благодаря мастерскому владению инструментальными тембрами, привнес в пьесу экспрессивность и драматизм.

Прекрасным завершением этого вечера стало исполнение симфонической поэмы Тихона Хренникова-младшего «Прохоровская битва», в которой композитор передал, с одной стороны, ужас войны, изобразив в музыке сражение, а с другой – надежду на спасение.

Несмотря на то, что некоторые произведения отличались определенной сложностью для восприятия, публика сумела по достоинству оценить все работы молодых музыкантов. Радует то, что цель организаторов Конкурса, стремившихся создать платформу для сближения и взаимопонимания современных авторов, творящих в разных стилях и техниках, со слушателями, была достигнута.

Интересным представляется и другой конкурс молодых композиторов, который проходил с сентября по ноябрь 2019 года

при поддержке Фонда развития творческих инициатив и критико-публицистического журнала «Музыкальная жизнь». В нем приняли участие более тридцати авторов из разных городов России и Белоруссии. В конкурсе было заявлено три номинации, в каждой из которых молодым авторам (к участию допускались студенты и аспиранты вузов) предлагалось сочинить вокальное произведение.

Нельзя не порадоваться мастерству конкурсантов: художественная ценность большинства опусов оказалась так высока, что жюри, в состав которого входили профессор и преподаватели Московской и Санкт-Петербургской консерваторий А.В. Соловьёв (председатель жюри), К.А. Бодров, Е.Д. Кривицкая, А.В. Танонов, во многих случаях разделило призовые места между несколькими участниками. Так, в номинации «Сочинение для хора а capella или в сопровождении фортепиано» победителями стали Игорь Холопов (ГМПИ им. М.М. Ипполитова-Иванова) и Сергей Терентьев (МГК им. П.И. Чайковского); в номинации «Сочинение для голоса с инструментальным сопровождением (ф-но)» I премию разделили Петр Налич (РАМ им. Гнесиных) и Владимир Генин (Саратовская консерватория им. Л.В. Собинова); а в номинации «Хоровая аранжировка» лучшим был признан Алексей Лёвин (МГК), получивший также спецприз за военно-патриотическую песню. По словам проф. Соловьёва, члены жюри стремились «максимально поощрить всех подавших заявки».

Торжественное награждение победителей состоялось 19 ноября в Конференц-зале МГК. Затем звучала музыка. Хоровые произведения исполнил Камерный хор Московской консерватории (художественный руководитель и дирижер проф. А.В. Соловьёв) – коллектив, известный своим вниманием к новой музыке. Романс «Соловейко» П. Налича представили Анна Загородняя (меццо-сопрано) и Тамара Куделич (фортепиано). Этот вечер завершил форум «Партитура будущего», который, благодаря блестящей работе команды организаторов во главе с его исполнительным директором Я.А. Кабалевской, стал беспорочной удачей Московской консерватории и важным событием студенческой жизни Москвы.

**Соборы «Трибуны молодого журналиста»
Анна Горшкова, Юна и Яна Катко**

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

ГЛАЗАМИ ДВУХ ХУДОЖНИКОВ

Красно-синие знамена, секторы, ярко высветленные софитами, зеленый газон с футбольными воротами, скамьи для болельщиков – кажется, что речь о спортивном соревновании! Но именно такое первое впечатление производит выставка «Дейнека-Самохвалов» под кураторством Семёна Михайловского, которая открылась в Санкт-Петербурге в дни Культурного форума.

Первый эмоциональный посыл выставочного пространства настраивает на противостояние, будто в конце зала каждому нужно отдать свой голос в пользу лишь одного из Александров. Соревновательный дух как один из важных принципов советской реальности погружает зрителя в атмосферу терпкого, клокошущего, бурлящего русского XX века.

Все работы тематически разделены на шесть контрастных секторов – Спорт, Труд, Герои, Дети, Война, Мир. Казалось бы, такое разделение могло еще больше противопоставить Александра Дейнеку и Александра Самохвалова, но эффект вышел совершенно обратный. Свободное расположение картин внутри зала без акцентирования на авторстве практи-

чески бесследно размывает границы, выводя на первый план общий смысл сектора.

Обращает на себя внимание визуально удобное оформление подписей к работам: верхнюю четверть карточек занимает заглавная первая буква фамилии художника «Д» или «С», что с одной стороны не отвлекает внимания, с другой – при желании уточнить автора позволяет лишь слегка перевести взгляд в сторону. Это даже привносит

Александр Самохвалов. Советская физкультура. 1936

игровой элемент: в какой-то момент глаз сначала пытается уловить черты стилия одного из художников, а затем сравнивает результат с подписью к картине.

Герои выставки – пионеры, стилиаги, спортсмены, рабочие, солдаты, просто мужчины и женщины в обычной для себя обстановке – в поле и на стадионе, на заводе и в концертном

зале, на поле битвы и на берегу реки. Кажется, перед зрителем за несколько мгновений вихрем пронесется полвека – от Октябрьской революции до холодной войны.

Невероятно помогает погружению в атмосферу эпохи дизайн выставочного пространства. Достаточно очевидное, но от этого не менее удачное цветовое решение каждого сектора в буквальном смысле задает тон всей теме. Сопоставление заключительных залов выставки наиболее

Александр Дейнека. Эстафета по кольцу «Б». 1947

пронзительно – агрессивный, давящий алый цвет «Войны» и, как глоток свежего воздуха – лучезарный, цвета весенней зеленой лужайки «Мир». Внутри будто оживает воспоминание, которого нет – о невероятных потерях и огромных надеждах первого дня нового Мира.

Фаворский и Петров-Водкин, Москва и Ленинград – многое вокруг них было разным, но страна была одна. Духовное противостояние двух столиц не помешало ни московскому Дейнеке, ни ленинградскому Самохвалову говорить на языке своей эпохи о том, чем дорожили и боялись потерять – о семье, любви и мире. И спустя пятьдесят лет разве не о том же мечтаем мы, с тревогой думая о будущем?

Мария Акишина,
IV курс, ИТФ

НЕУДАЧНОЕ ОРИЕНТИРОВАНИЕ НА МЕСТНОСТИ

Как гласит поговорка, бесконечно можно смотреть на три вещи: на то, как течет вода, горит огонь и... как идет ко дну Московская международная биеннале современного искусства.

В ушедшем году выставка «Ориентирование на местности», восьмая по счету, длилась рекордные (для себя) три месяца. Одновременно с этим она отличалась нетрадиционной лаконичностью: на нее попали только 33 работы, которые запросто уместились в одном из залов бывшего ЦДХ. Всеми виной за пределами маленького бюджета: по данным журнала *Forbes* он составлял 8,5 миллионов рублей (до 2017 года на биеннале выделялось до 85 миллионов).

Куратором нынешнего проекта стал оперный режиссер Дмитрий Черняков, вернувшийся домой после многолетней «ссылки» в Европу. В освоении нового амплуа ему должен был помогать директор венской «Альбертины» Клаус Альбрехт Шредер. Еще весной эта новость промелькнула в одной подборке с первоапрельскими шутками «Артгида». Тогда это выглядело как иронический намек на то, что Московская биеннале собрать *dream team* такого уровня вряд ли сможет. Оказалось, наоборот. Правда, теперь кураторы совсем не рады своему участию в проекте.

Дело в том, что почти за погода до открытия экспозиции на сайте *Biennial Foundation* появилось открытое письмо участников прошлой выставки. Они обвиняли комиссара биеннале Юлию Музыкантскую в нарушениях финансовых условий, хамстве и из рук вон плохой организации. По их словам, это была уже крайняя мера после многих неудачных попыток поговорить с директором.

4 октября эта тема всплыла на пресс-конференции в ТАСС, а на сайте «Артгида» появилось журналистское расследование Марии Кравцовой – главного редактора этого издания. Чуть

позже к журналу «Гараж» присоединилась *COLTA* с обращением российских художников и кураторов к организаторам биеннале. Они требовали опубликовать подтверждения о выплатах и публично извиниться перед прежними участниками. На этот раз Юлия Музыкантская написала в фейсбуке краткое опровержение, причем без единого доказательства.

Что касается нынешнего проекта, то определение «биеннале» к нему мало подходит. И дело не только в масштабе экспозиции, но и в количестве художественного импорта: ровно треть всех представленных работ была из коллекции «Альбертины» (обычно же большинство арт-объектов создается специально для биеннале). По задумке кураторов, привезенные работы Георга Базелица, Германа Нитча, Алекса Каца и других классиков авангарда должны были вести «уникальный диалог» с арт-объектами менее известных российских художников.

Как выяснилось, к «уникальному диалогу» были готовы не все авторы, но обсудить задумку с Черняковым так ни у кого и не получилось. «Многие работы здесь мне нравятся, на Георге Базелице я вырос, но решение о том, чтобы нас с Базелицем захихнуть в одно пространство, не я принимал, – говорит участник биеннале Андрей Кузькин. – Мне кажется, экспозицию можно было решить иначе». Перед открытием художнику вовсе предложили убрать свою инсталляцию «Молельщики и герои», где десятки коленопреклоненных хлебных человечков сидят в крохотных камерах-ячейках, а перед ними – огромные головы с запеченной кровью. В итоге эта работа, явно с политическим подтекстом, так и осталась напротив картины «В. для Ларри (Ремикс)» позднего Георга Базелица, спокойно рефлексирующего по поводу своей тревожной молодости.

Как ни странно, только у «Молельщиков» была аннотация, причем авторская. Андрею Кузькину во избежание кривотолков пришлось написать ее на соседней стене. Больше текстов на биеннале не было: ни описаний работ, ни кураторского обращения, ни представления выставки и ее концепции. Зрителям в буквальном смысле пришлось ориентироваться на местности, созданной архитектором Сергеем Чобаном: в выставочном зале он соорудил целый город с площадями, проулками и белыми домами-коробками, где тоже разместились арт-объекты. А чтобы посетители без карт и навигаторов сильно не растерялись, огромными буквами написал имена авторов.

В «белом городе» нашлись и работы-одиночки, избежавшие добровольно-принудительного диалога. Отдельные апартаменты получила медитативная инсталляция «Все священно», имитирующая звездное пространство и вселенские просторы. Ее автор – азербайджанская художница Лейла Алиева – по совместительству еще и руководитель Фонда Гейдара Алиева, который спонсирует утопающую биеннале.

В двух шагах от инсталляции в гордом одиночестве летали разноцветные медведи Паолы Пиви, а в соседнем доме расположилась главная достопримечательность детской аудитории – «умный» ковер-хамелеон Орхана Мамедова, меняющий узоры с помощью искусственного интеллекта. Отдельные помещения получили подземный переход Александра Бродского и видеоинсталляция с игральными костями Вали Экспорт. Для абстракции Герхарда Рихтера тоже не нашлось пары среди арт-объектов, но к ней все-таки подселели Вариации ор.27 Антона Веберна. Видимо, для того чтобы вместо одной, условно говоря, «минималистской» работы, стало две. Если идея заключалась в этом, в чем же тогда уникальность заявленного диалога? Чем хуже Вариаций Веберна опус кого-то из минималистов?

Очень досадно, что всего лишь за два года Московская биеннале – лицо российского современного искусства – превратилась в самый антистатусный международный проект, собравший за последние месяцы целый вагон отрицательной критики. И дело тут вовсе не в конкурентах, которые, по мнению Юлии Музыкантской, мешают спокойно жить. Проблема, очевидно, в отсутствии профессиональной организации: в неспособности придумать адекватную концепцию, в неумении сформулировать внятную, актуальную тему и, самое главное, в нежелании создать комфортную для всех рабочую атмосферу. Команда биеннале, как и любой коллектив, – это единый организм, чья работа зависит от качества коммуникации между руководством, кураторами, художниками и сотрудниками. Последняя выставка показала: опыт седьмой биеннале ничему не научил.

Алина Моисеева,
II курс, муз. журналистика

